И. О. ДЕМЕНТЬЕВ

ЦЕНЗУРА КАК ИНСТИТУТ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА[1]

Выявлены основные стратегии, с помощью которых власти в послевоенной Калининградской области в 1947—1975 гг. пытались контролировать дискурс о прошлом. Показано, что, несмотря на усилия нескольких поколений советских цензоров, тотального контроля над коллективной памятью калининградцев добиться не удалось.

Ключевые слова: Калининградская область, советский период, политика памяти, Управление по охране государственных тайн в печати, цензура.

Основным органом, осуществлявшим цензуру в Калининградской области, как и в других регионах Советского Союза, было Управление по охране государственных тайн в печати при облисполкоме. Документы этого ведомства, кратко называвшегося облитом, за 1947—1991 гг. отложились в Государственном архиве Калининградской области (ф. 232). Облит осуществлял идеологический контроль над содержанием издательской продукции (от газет и научных сборников до пригласительных билетов) и текстов радио- и телепередач, а также над работой библиотек, музеев, кинотеатров и книжных магазинов. Внутреннюю противоречивость установок, лежавших в основе этой работы, убедительно показывает тот факт, что в первое послевоенное десятилетие цензорам приходилось вычеркивать из печати упоминания о трофейных фильмах, которые, однако, шли в кинопрокате. Среди популярных картин были «По-

© Дементьев И. О., 2016

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-21-06002а(м) «Политика памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии: Преемственность и изменения культурного ландшафта (1945—2015 гг.)».

знакомьтесь с императорским дворцом Микадо», «Кардинал Ришелье», «Тарзан в западне» и др. Несмотря на все усилия обллита, средства массовой информации продолжали зазывать зрителей на киносеансы: например, в 1955 г. реклама «Дамы с камелиями» была выявлена в газетах Советского, Краснознаменского, Черняховского, Гусевского, Железнодорожного районов, и все эти упоминания подлежали вычеркиванию [5, д. 14, л. 18].

В распоряжении исследователя есть годовые отчеты цензоров, содержащие вычерки из текстов в продукции, предназначавшейся для печати, а также иные документы обллита, включая материалы официальной переписки. Несмотря на то, что в архивном фонде представлены документы вплоть до 1991 г. — года ликвидации общесоюзного органа (Главного управления по охране государственных тайн при Кабинете министров СССР), отчеты цензоров, к сожалению, сохранились только до 1975 г. Последние 16 лет работы областного ведомства не отражены в отчетной документации, и обстоятельства возникновения этой лакуны неизвестны. Однако для 1947—1975 гг. упомянутые материалы остаются важнейшим источником для реконструкции стратегии, применявшейся властями в целях достижения контроля над дискурсом о прошлом.

Вычерки за 1947—1957 гг. тщательно изучены Ю. В. Костяшовым [7, с. 285—293]. Они делились на две категории: перечневые (на основании Перечня государственных тайн) и политико-идеологические, причем количественно первые[2], по подсчетам историка, многократно превышали вторые. Хотя период 1958—1975 гг. не стал предметом отдельного исследования, можно утверждать, что описанные Ю. В. Костяшовым тенденции в целом сохраняли актуальность и на этом этапе развития советского общества. В то же время анализ практики цензурного ведомства 1960—1970-х гг. дает шанс лучше понять механизмы политики памяти, действовавшие в таком своеобразном регионе, как Калининградская область.

---

[2] К таковым относились вычерки в отношении любых сведений о предприятиях или воинских частях. Можно себе представить объем работы цензоров, если учесть, что они должны были проверять не только полиграфическую продукцию и тексты радио- или телеэфира, но также ассортимент книжных магазинов, фонды библиотек и даже записи в книгах отзывов! В 1963 г. упоминается удаление из книги отзывов в музее подписей с указаниями номеров воинских частей [5, д. 28, л. 19].

Среди институтов политики памяти цензура — один из самых закрытых, и многое в ее работе с трудом поддается реконструкции. Мы имеем слабое представление, например, о том, насколько профессионально работали цензоры. Обязательным требованием к ним, судя по всему, было членство в партии (или даже опыт руководящей партийной работы), но не наличие широкого кругозора или гуманитарного образования. Становление института сопровождалось различными курьезами: например, в 1951 г. критике подверглось руководство Озёрского района, библиотеки которого обвинялись в «засоренности… политически вредными книгами» [5, д. 8, л. 13]. Были изъяты брошюры И. Д. Левина «Принцип суверенитета», но начальник обллита Ф. Терновой 3 июля 1951 г. разъяснил, что возникла путаница. Изъятию подлежали книги Исаака Дон Левина (1892—1981), эмигрировавшего из России в 1920 г., а в районе пытались оградить читателей от книг его однофамильца Иосифа Давыдовича Левина (1901—1984), видного советского государствоведа и юриста: «Вышеуказанные книги и брошюры восстановите в библиотеках» [5, д. 8, л. 22]. Любопытно, что философские работы правоведа Левина, написанные в 1920-х гг., были в свою очередь запрещены цензурой и даже не напечатаны. Тематика изымаемых в дальнейшем книг была определена в основном списками, присылаемыми из центра (А. И. Солженицын, Е. Г. Эткинд, Вл. Максимов и другие авторы-эмигранты) [5, д. 55, л. 10; д. 58, л. 12].

Нельзя сказать, однако, что у цензоров отсутствовало стилистическое чутье. Напротив, документы снабжают нас, правда не очень часто, любопытными примерами проявления тонкого чувства языка. В пригласительном билете 1952 г. значилось: «РК ВЛКСМ Сталинградского района приглашает Вас на районный комсомольско-молодежный вечер, посвященный теме: “Кровавый американский империализм”». Цензор комментировал текст следующим образом: «Посвящение может быть только положительным фактам, событиям, лицам» [5, д. 11, л. 60]. Такой вычерк не отнести ни к перечневым, ни, строго говоря, к идеологическим, он, скорее, носил характер стилистической правки. Функция улучшения текста была одной из первых в ранней европейской цензуре, вопреки распространенному представлению об изначально репрессивном характере этого института (что убедительно показано на французском примере Робертом Дарнтоном в недавнем компаративном иссле-

довании цензуры во Франции эпохи Просвещения, колониальной Индии и социалистической ГДР [10, p. 24—29]). Однако серьезного развития эта функция в советской практике не получила.

Особенно внимательны были цензоры в отношении политического языка, с помощью которого должна была конструироваться коллективная память. В отчете за 1960 г. сообщалось об ошибке в тексте телепередачи: «В этом году исполнилось 20 лет присоединения Литвы к Советскому Союзу» [5, д. 22, л. 7]. Возмущение чуткого цензора вызвало ключевое слово: «Здесь допущена грубая политическая ошибка: присоединение — захват. Например, в 1938 году гитлеровская Германия присоединила или захватила (аншлюсс) Австрию. Так писать о Прибалтике — значит потворствовать клеветническим измышлениям империалистов Запада о захвате Советским Союзом Прибалтики. В 1960 году праздновалось 20-летие восстановления власти Советов в Латвии, Литве и Эстонии, а не присоединение этих республик к Советскому Союзу» (здесь и далее все подчеркивания — из документов) [5, д. 22, л. 7]. Того же требовал цензор в 1965 г., делая вычерк из заметки в газете «Вперед», говорившей о «наступлении советской власти в Литве» в 1940 г. Слово «наступление» было определено как «исторически неправильный термин»: «На самом деле произошло восстановление советской власти» [5, д. 30, л. 6].

Политика памяти, осуществляемая в Калининградской области посредством цензуры, определяла требования к описанию и советского строя в целом, и региона Восточной Пруссии / Калининградской области в частности. Идеологические вычерки могли касаться реалий Страны Советов: в 1952 г. в публикации «Калининградской правды» был изъят текст о том, что органы милиции должны предотвращать занятия детей «торговлей, перепродажей театральных билетов и попрошайничеством». Отмечалось, что в открытой печати не нужно писать о попрошайничестве, «тем более что это не характерно для нашей Страны» [5, д. 11, л. 40]. В сталинский период цензоры были особо чувствительны к тем случаям, когда недооценивалась роль вождя или допускались двусмысленности. Например, из текста радиопередачи в 1951 г. успели убрать такую сомнительную фразу: «С момента опубликованных сталинских работ по вопросам языкознания в науке о языке сложилось крайне тяжелое положение» [5, д. 9, л. 67]. После 1956 г., напротив, Сталин попал

в опалу у цензоров. В годовом отчете за 1962 г. отмечалось изъятие 97 книг 6 наименований (преимущественно краткая биография И. В. Сталина) [5, д. 26, л. 20]. В 1963 г. цензоры рапортовали даже о предотвращении публикации старых названий городов (Сталинград) в литературном сборнике «Чекисты» [5, д. 28, л. 13].

В редких случаях цензоры вмешивались в интерпретацию событий Великой Отечественной войны, однако делали это, невзирая на звания и заслуги. Характерным в этом отношении эпизодом стало выступление генерал-майора в отставке А. И. Соммера, который в 1950 г. должен был сказать в микрофон: «Надо заметить, что до начала Восточно-Прусской операции танковые войска не имели достаточного опыта самостоятельного преодоления укрепленных районов» [5, д. 7, л. 33]. Дать такую оценку цензоры не позволили: малейший критицизм в отношении советских войск в годы войны был недопустим.

Еще одним идеологически окрашенным сюжетом, по поводу которого работники обллита колебались вместе с линией партии, был югославский ревизионизм. В 1950-х гг. сначала воспрещались необоснованные нападки на Иосипа Броза Тито и других югославских товарищей: в 1955 г., к примеру, предписывалось изъять из книготорговой сети книгу Сергея Михалкова «Война войне» (М., 1951), напечатанную тиражом 20 тыс. экземпляров и содержавшую такие нападки [5, д. 14, л. 21]. Цензорам приходилось внимательно читать все материалы подряд, включая… кроссворды: так, в газете «Калининградский комсомолец» в 1964 г. был выявлен вопрос о герое антититовского романа О. М. Мальцева «Югославская трагедия» (1951), изъятом из библиотек! [5, д. 29, л. 5]. Но уже в 1958 г. в статье некоего Лузева, опубликованной в «Калининградской правде», цензура пропустила отсутствие критики югославского ревизионизма, что было недопустимо [5, д. 19, л. 7].

Надлежало отслеживать нежелательные фамилии в публикациях — Л. Б. Каменева [5, д. 30, л. 5] или Г. А. Зиновьева [5, д. 38, л. 52—53], а также целой группы меньшевиков, эсеров и анархистов в списках членов Центробалта, Центрального комитета Балтийского флота [5, д. 36, л. 7]. При этом примеров вмешательства в публикацию художественных текстов очень мало, хотя цензоры старались не пропускать в печать поэтов с неоднозначной репутацией, вроде Бориса Пастернака. Вызвали повышенный интерес у цензоров стихи Игоря Пантюхова, представленные в 1969 г. к изданию

в Калининградском книжном издательстве. В сборнике «Берег раздумий» удалось выявить несколько стихотворений, «сомнительных по содержанию» [5, д. 38, л. 53]. Неясна была классовая позиция автора, налицо настроения тоски, неудовлетворенности, пессимизма. «Стихотворение “Граница поперек реки…” (стр. 8) является откликом автора на ту помощь, которая была оказана войсками стран Варшавского договора в защите социалистических завоеваний в Чехословакии. В настоящее время, когда положение в Чехословакии все более нормализуется, издание стихотворения в таком виде, на наш взгляд, нецелесообразно», — сообщали цензоры в обком партии 23 октября 1969 г. [5, д. 38, л. 53]. Поэтический сборник был возвращен издательству на доработку, историки литературы же получили редкую возможность восстановить на основании документов обллита оригинальные тексты.

За 1947—1975 гг. насчитывается не так уж много вычерков в отношении истории края, в первую очередь довоенной. Здесь, по всей видимости, действовала самоцензура как «самый надежный способ контроля», о котором пишет Ю. В. Костяшов. В том, что касалось Восточной Пруссии, самоцензура, вероятно, работала добросовестно: нейтральные или позитивные упоминания довоенного прошлого в периодической печати были почти исключены, цензорам изредка приходилось корректировать визуальный ряд — предотвращать публикацию изображений немецких зданий. В многотиражке Калининградского технического института «Знание и жизнь» в 1968 г. пытались напечатать крупным планом силуэт немецкой кирхи на фоне заснеженных деревьев; это изображение было признано нехарактерным для города Калининграда [5, д. 39, л. 5]. В 1970 г. из верстки альбома «Калининград» была снята фотография, на которой было изображено «типичное немецкое здание в готическом стиле» (на самом деле, здание обкома партии и облисполкома, которое, тем не менее, преспокойно эксплуатировалось для управленческих нужд) [5, д. 46, л. 6]. Редкими были довоенные фотоснимки, однако зафиксированы и такие случаи. В отчете обллита за 1957 г. говорится: «Для экспонирования в краеведческом музее в разделе Великая Отечественная война предназначались немецкие фотоснимки с изображением митинга в городе Кёнигсберге[3] и парада гитлеровских

[3] У Ю. В. Костяшова при цитировании этого документа ошибочно указано, что митинг был «в городе Калининграде» [7, с. 291].

войск» — в результате четыре фотоснимка не пропустили по согласованию с обкомом [5, д. 18, л. 9—10].

Совершенным курьезом выглядит вычерк из текста, который должен был прозвучать в телепередаче в ноябре 1960 г.: «Единственная развалина, которая уцелела здесь, — это остатки замка прусских королей — теперь музейный экспонат. Нет больше в нашей области ни толстостенных феодальных замков, ни церквей, ни политических тюрем — этих непременных учреждений культуры разбоя и эксплуатации, мракобесия и человеконенавистничества» [5, д. 22, л. 7—8]. Цензор обосновал вычерк так: «Эта передача была подготовлена после того, как председатель Калининградского облисполкома т. Слайковский в выступлении на третьей сессии Верховного Совета РСФСР заявил в связи с выступлением Аденауэра в Дюссельдорфе, обвинявшего нас в разрушении церквей и памятников культуры: “Однако бывшие немецкие церкви сохранились. Мы их не разрушали. Некоторые из них, как, например, кафедральный собор, даже находится под охраной государства”» (здесь и далее орфография и пунктуация оригинала сохранены) [5, д. 22, л. 8]. При всем комизме этой заочной полемики председателя облисполкома с западногерманским канцлером она отражает определенные перемены в политике: государство, пусть неохотно, принимало на себя ответственность за памятники чужой культуры, причем вынуждено было заботиться об имидже даже в глазах противников по Холодной войне.

Невозможно было совсем вытравить память о Восточной Пруссии также потому, что на уровне структур повседневности неизбежными были сравнения старого и нового. В соседней Клайпеде эти сравнения (в пользу социалистической Литвы, конечно) быстро стали обязательным элементом пропаганды, потому что сочетались с тезисом о возвращении исконно литовской территории. В Калининградской области такие сравнения проводились значительно реже, даже «для служебного пользования». В 1967 г. в автореферате диссертации К. М. Помещикова на соискание ученой степени кандидата экономических наук «Резервы роста и снижения себестоимости производства молока и мяса в совхозах Калининградской области» цензурой был снят следующий текст: «Следует сказать, что в настоящее время большинство лугов и пастбищ находится в неудовлетворительном состоянии, значительная их часть заросла

кустарником, заболочена и требует проведения культурно-технических и осушительных работ. Урожайность их очень низкая — 8—12 центнеров сена с гектара, а качество невысокое» [5, д. 36, л. 7]. Цензор комментировал решение в духе знаменитого анекдота про кастрюлю: «Во-первых, это не соответствует действительности; во-вторых, следует учитывать особенности Калининградской области как территории бывшей Восточной Пруссии» [5, д. 36, л. 8].

Публичное сравнение восточнопрусского и калининградского контекстов неизбежно должно было привлекать внимание работников обллита. Неудачная попытка подобного сопоставления была предпринята географами из Калининградского государственного университета В. Д. Ваулиной и И. И. Козлович, предложившими статью в сборник научных трудов «Вопросы географии», который вуз посвятил столетию со дня рождения В. И. Ленина в 1970 г. По согласованию с обкомом партии цензор направил текст сборника назад в университет для переработки. Отмечалось, что «в некоторых статьях положительно характеризовалась деятельность немцев при строительстве Кенигсберга и умалчивалась или искажалась грандиозная роль советских людей по восстановлению и развитию города Калининграда и других городов области» [5, д. 45, л. 26]. У нас есть редкая возможность реконструировать оригинальный авторский текст, выдержки из которого приведены в справке, направленной в обком в феврале 1972 г.

«В статье Ваулиной В. Д. и Козлович В. И.[4] “К ландшафтной характеристике города Калининграда” подробно описывалась история Кенигсберга и искажалась действительность о новом городе — Калининграде. Вот что писали авторы о Кенигсберге: “К началу XX века город сложился в своих современных территориальных границах. С экономической точки зрения он сформировался как крупный торговый порт Балтики, центр целлюлозно-бумажной, пищевой и судостроительной промышленности”. А вот что представляет, по мнению авторов, современный Калининград: “Город имеет радиально-кольцевую планировку. Его характерной особенностью является беспорядочное размещение промышленных предприятий, отсутствие функционального зонирования, неравномерная плотность застройки и озеленения, наличие «свободных

[4] Инициалы Инессы Ивановны Козлович в документе приведены с ошибкой.

земель» в центре (следы военных разрушений)”» [5, д. 45, л. 57] (подробнее об этом эпизоде см.: [6]).

В тексте, опубликованном по итогам удовлетворения претензий цензуры (сборник был подписан в печать 19 июня 1970 г.), все ссылки на немецкое прошлое были устранены. Вместо того рассказывалось о формировании городского рельефа в дочетвертичном и ледниковом периодах. Эвфемистичная манера изложения очень характерна: «Последний (современный) этап формирования рельефа города начался с момента поселения человека на территории города. За счет его хозяйственной деятельности рельеф претерпел значительные изменения… Сильно изменен рельеф в районе старого центра (близ Нижнего пруда, у здания «Облсовпрофа»)… С запада в пруд впадает река Голубая. Она представляет собой канал, созданный в XVII веке для водоснабжения города» [2, с. 127, 131]. Невозможно было вовсе отказаться от апелляции к прошлому, потому что замысел статьи состоял в том, чтобы продемонстрировать, как история формирования города обусловливает специфику его ландшафта. Однако авторам в итоге пришлось ограничиться предельно общей мыслью: «Пожары и войны, эпохи бурного расцвета и упадка оставляют неизгладимый след в рельефе и архитектуре» [2, с. 136].

Цензура, таким образом, не только вмешалась в конструирование нарратива о городской истории, но и попыталась повлиять на методику научного исследования, вынудив авторов убрать все ссылки на работы зарубежных авторов. Тем не менее в других статьях того же сборника цитировались немецкие научные публикации, включая книги, изданные в столице Восточной Пруссии [1, с. 71; 8, с. 162; 9, с. 80], поэтому надо признать, что статья В. Д. Ваулиной и И. И. Козлович почему-то привлекла особое внимание цензоров.

Таким образом, к 1970 г. строгие ограничения, которые изначально накладывались на повествование о довоенном прошлом края, сохраняли свою силу. Однако, судя по материалам периодической печати 1970 — начала 1980-х гг., позднесоветская ситуация начала меняться — на страницах газет предперестроечного десятилетия можно найти высказывания читателей о красивых довоенных зданиях, немецкие топонимы, упоминания выдающихся жителей Восточной Пруссии, включая деятелей не только немецкой, но и, к примеру, литовской национальной культуры (особенно в связи с

открытием музея Кристионаса Донелайтиса в пос. Чистые Пруды). В таком контексте развернутый выпад против статьи географов предстает своего рода «лебединой песнью» цензуры как советского института.

Уже в отношении первого послевоенного десятилетия Ю. В. Костяшов констатировал, что поступавшие в обллит тексты были многократно проверены и доведены до стерильности, поэтому ни один из 2621 вычерка не относился реально ни к военной тайне, ни к идеологической крамоле. «Государственная цензура, — отмечал исследователь, — стала рудиментом и в таком виде продолжала по инерции существовать еще несколько десятилетий» [7, с. 293]. Материалы архивного фонда обллита 1950-х — первой половины 1970-х гг. в сравнении с публикациями периодической печати показывают, что цензура действительно постепенно сокращала свой контроль над памятью о прошлом в Калининградской области, но, вероятно, это происходило не только в силу сохранения эффективности самоцензуры, но и вследствие общего ослабления идеологического контроля и роста спонтанного интереса калининградцев к прошлому своего города и региона в целом.

Конечно, изучение института цензуры требует обращения к более широкому кругу источников. Архивные документы, обладая исключительной ценностью для реконструкции отдельных аспектов работы цензоров, в то же время ничего не говорят о том, как сами работники обллита воспринимали свою работу. Исследователь обречен на изучение внешних аспектов цензуры, не имея пока возможности увидеть механизм ее функционирования «изнутри» (последнее на более широком материале попытался осуществить Р. Дарнтон). Цензоры, выступая инструментом осуществления репрессивной политики, сами легко могли стать объектом репрессии — наказание ждало их в случае как недосмотра, так и необоснованных вычерков. Реакция самих цензоров на взыскания почти не подлежит реконструкции, хотя иногда в документах упомянуты подобные меры в адрес работников обллита. Например, в 1970 г. строгий выговор был вынесен редактору управления А. А. Шитову за то, что он пропустил в газете «Маяк» публикацию статьи, в которой содержались данные о конкретном военнопленном вражеской страны в годы Второй мировой. А. А. Шитов объяснил ошибку «доверием и своей уверенностью, что “такие сведения публиковались

в печати и в сводках информбюро в 1945 году”» [5, д. 48, л. 7]. Несмотря на такое убедительное оправдание, выговор не был снят, а вскоре цензора отправили на пенсию. Вероятно, источники личного происхождения могли бы помочь пролить свет на вопрос о самоощущениях цензоров, однако дефицит подобных источников пока не дает возможности делать какие-то умозаключения.

Еще одну важную исследовательскую перспективу задает вопрос о том, как цензоры относились к критике цензуры как института, звучавшей в публикациях советского времени? В этом отношении любопытен пример Александра Мироновича Гаркави (1922—1980), авторитетного историка русской литературы, преподававшего в Калининградском пединституте. В 1956—1966 гг. он опубликовал в «Ученых записках» КГПИ пять статей, названия которых говорят сами за себя: «Н. Г. Чернышевский и царская цензура», «Запрещенная цензурой сказка Н. А. Некрасова», «Н. А. Некрасов — обличитель царской цензуры», «Цензурные купюры в текстах Н. А. Некрасова», «Из цензурной истории произведений Н. А. Некрасова». Защитив в 1965 г. в Ленинградском университете докторскую диссертацию «Борьба Н. А. Некрасова с цензурой и проблемы некрасовской текстологии» [3], он в следующем году на ее основе издал в Калининграде монографию «Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой» [4].

Важное место в этих работах занимает характеристика института цензуры в царской России, разоблачение мнимой либерализации режима, реконструкция системы приемов, которые применялись издателями и авторами с целью обойти цензурные ограничения. Исследователь показал, как работал «эзоповский язык» у Н. А. Некрасова и других деятелей революционно-демократического лагеря: «Наиболее широко эти приемы были разработаны Салтыковым-Щедриным. Исследователь щедринской сатиры указывает, что среди средств “эзоповского языка” у Щедрина были повествование об отечественном в форме зарубежного, рассказ о современных событиях в форме прошедшего времени (прием “исторической мистификации”), использование маски “благонамеренного” повествователя, эзоповский прием “понижения в рангах”, ирония, гипербола, фантастика и др.» [4, с. 22]. От внимания бдительных цензоров уже царского времени эти хитрости не ускользали: А. М. Гаркави цити-

ровал чиновника П. И. Капниста, писавшего: «...С одной стороны, писание для чтения между строк достигло у нас великого умения и тонкости, а с другой стороны… возникла целая литература откровенная, без маски, подписанная» [3, с. 20—21]. Вывод Гаркави звучал недвусмысленным приговором репрессивному общественному институту: «В борьбе с цензурой так или иначе участвовали все редакторы и ведущие сотрудники выходивших в России передовых журналов. Те победы, которые одержала революционно-демократическая журналистика над цензурой, конечно, не были делом рук одного человека. Но все же мы не ошибемся, если скажем, что ценнейший вклад в это дело внес Н. А. Некрасов» [4, с. 233].

Все эти тексты, несомненно, читали работники обллита, однако в сохранившихся документах ведомства нет никаких следов интереса к антицензурным статьям Гаркави. Исследователь показывал, как обходили цензурные запреты русские писатели, перенося *место* действия из России за границу — в этом случае критиковать порядки можно было беспрепятственно. Но ведь можно переносить не только место, но и *время* действия! Как знать, не было ли для Гаркави, пострадавшего от борьбы с космополитизмом (травле подвергся его учитель Б. М. Эйхенбаум, и сам Гаркави был вынужден уехать в провинцию), его творчество, проникнутое пафосом протеста против цензуры, таким же проявлением эзопова языка, когда, рассказывая не о зарубежных, но о царских порядках, он лишь намекал на те или иные обстоятельства современной ему общественной жизни? Пока нам в силу нехватки источников трудно судить об этом, но при сопоставлении документов советской цензуры и описания механизмов работы царской цензуры у Гаркави неизбежно возникают определенные ассоциации.

В исторической перспективе цензура, которая должна была выступать важным политико-идеологическим институтом, обеспечивающим стабильность советской системы, оказалась обречена, как и советская общественная система в целом. И неутолимый интерес калининградцев к табуированной истории своего края, и опыт противостояния цензуре на протяжении нескольких поколений национальной истории, и неизбежный формализм служащих обллита в исполнении контрольных функций привели к тому, что в конечном счете цензуре не удалось добиться тотального контроля над дискурсом о прошлом. И хотя в сегодняшней России проблематика

самоцензуры по-прежнему сохраняет актуальность, в том числе в вопросах коллективной памяти, остается надеяться, что государственная цензура как институт, стремившийся контролировать эту память, все же безвозвратно ушла в прошлое.

Список источников и литературы

1. *Балаян Б. М., Кучерявый П. П.* Классификация берегов Калининградского полуострова // Вопросы географии / КГУ ; Калинингр. отделение Географического общества СССР. Калининград, 1970. С. 62—71.

2. *Ваулина В. Д., Козлович И. И.* К ландшафтной характеристике города Калининграда // Вопросы географии. Калининград, 1970. С. 120—142.

3. *Гаркави А. М.* Борьба Н. А. Некрасова с цензурой и проблемы некрасовской текстологии : дис. ... д-ра филол. наук / Ленингр. ун-т. Л., 1965.

4. *Гаркави А. М.* Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966.

5. *Государственный* архив Калининградской области. Ф. 232 (Управление по охране государственных тайн в печати при Калининградском облисполкоме). Оп. 6.

6. *Дементьев И. О.* «Рябинка у бойницы»: реабилитация довоенного прошлого в памяти калининградцев (1970-е — 1980-е гг.) // Erdvių pasisavinimas Rytų Prūsijoje XX amžiuje (=Acta Historica Universitatis Klaipedensis. T. 24). Klaipėda, 2012. S. 92—118.

7. *Костяшов Ю. В.* Секретная история Калининградской области. Очерки 1945—1956 гг. Калининград, 2009.

8. *Кученёва Г. Г., Звиргздс А.* Интродуценты в озеленении городов Калининградской области // Вопросы географии. Калининград, 1970. С. 143—162.

9. *Кучерявый П. П., Балаян Б. М.* Некоторые вопросы формирования берегов Калининградского полуострова // Вопросы географии. Калининград 1970. С. 72—80.

10. *Darnton R.* Censors at work. How states shaped literature. L. ; N. Y., 2014.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев — кандидат исторических наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, Калининград.

E-mail: IDementev@kantiana.ru